История

Политическая идеология русской эмиграции в Маньчжурии: проблема возрождения России

© 2017

Е.Е. Аурилене, Н.П. Бучко

В статье исследуются политико-правовые взгляды русских политиков, эмигрировавших в Маньчжурию после Октябрьской революции и Гражданской войны в России. В поисках модели для будущей российской государственности одни из них следовали в русле современных тенденций западной политико-правовой идеологии, другие возвращались к традиционной формуле «самодержавие, православие, народность».

Ключевые слова: русские эмигранты, русский Харбин, государственный идеал, русский фашизм, солидаризм, социал-дарвинизм.

После Октябрьской революции и Гражданской войны в России в полосе отчуждения КВЖД нашли приют десятки тысяч эмигрантов, своим появлением взорвавших благополучный быт «счастливой Хорватии»¹. Харбин с его размеренным, патриархальным укладом жизни закипел политическими страстями, привнесенными в атмосферу имперского колониального города инерцией Гражданской войны. В гуще идеологических споров находились бывшие чины белых армий, члены несостоявшихся антибольшевистских правительств, юристы, журналисты и вузовская профессура, формировавшая мировоззрение эмигрантской молодежи. Многие верили в неизбежный крах большевизма, строили планы политико-правового устройства новой России, осмысливая причины поражения белого движения.

Белые генералы о «национальной России»

Практически все крупные политические организации, созданные русскими эмигрантами в Европе, имели свои отделения на Дальнем Востоке. Среди белых генералов преобладали монархисты, уверенные в том, что в основе государственности всегда лежит традиция, а величие России испокон веков держалось на самодержавии и православии. Во взглядах монархически настроенных эмигрантов принципиальных расхождений не было, зато были разногласия по поводу политического лидерства. Как и в Европе, на

Аурилене Елена Евлампиевна, доктор исторических наук, профессор Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). E-mail: elena_aurilene@mail.ru.

Бучко Николай Петрович, кандидат исторических наук, доцент Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск). E-mail: buchko65@mail.ru.

Дальнем Востоке они разделись на два лагеря: «легитимистов», признававших право на корону Российской империи за Кириллом Владимировичем, и Русский общевоинский союз (РОВС), поддерживавший Николая Николаевича.

В монархических кругах Харбина большим политическим авторитетом пользовался генерал Д.Л. Хорват, известный своими консервативными взглядами. Радикальную реформу как средство для улучшения государственного порядка он отрицал, был человеком дела и сторонником закона. Формальным переменам институтов власти он предпочитал совершенствование хозяйственной жизни государства. Свое участие в политической борьбе в годы Гражданской войны Д.Л. Хорват объяснял желанием восстановить в стране национальную верховную государственную власть. В идеологических спорах эмигрантов он активного участия не принимал, хотя в разногласиях монархического лагеря занимал позицию РОВС. «Харбинский» период эмигрантской жизни Д.Л. Хорвата был коротким: в 1920 г. он уехал в Пекин и прожил там до своей смерти в 1937 г.

Тема возрождения «национальной России» особенно оживилась на страницах эмигрантских изданий в период японской оккупации Маньчжурии (1931–1945 гг.). Японская военная миссия, фактический хозяин Маньчжоу-го, развернула пропагандистскую кампанию, нацеленную на единение эмиграции против большевизма, уничтожившего прежние национальные ценности России. Вернуть утраченное Отечество предполагалось с помощью японского оружия, на которое эмигранты могли рассчитывать при условии соответствующей политической лояльности. Для консолидации беженской колонии было создано Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), головное учреждение которого — Главное бюро (ГБРЭМ) — находилось в Харбине. Во главе этого «эмигрантского правительства», сменяя друг друга, стояли белые генералы: В.В. Рычков (1934–1935), А.П. Бакшеев (1935–1938), В.А. Кислицин (1938–1943) и Л.Ф. Власьевский (1943–1945)². Все они были монархистами, в силу сложившейся исторической ситуации принявшими идею японской помощи для борьбы с большевизмом.

Количеством и масштабом сочинений на патриотическую тему выделяется В.А. Кислицин. Из-под его пера в Харбине вышло четыре книги, три из которых содержат размышления о «российской идее», Гражданской войне и причинах поражения белого дела³. Представляя легитимистское крыло монархизма, генерал Кислицин был озабочен воспитанием эмигрантской молодежи в духе традиционных ценностей Российской империи, выраженных в триаде «Бог, Царь, Отечество». В православии он видел единственную силу, способную творить гармонию в русской душе, а возрождение России связывал с восстановлением законной монархии. В книге «Пути русской молодежи» Кислицин говорит от имени отцов, несущих бремя вины перед своими детьми. Причины трагедии белого движения видятся ему в отсутствии программы, четких лозунгов и твердых обещаний, слабой агитации и пропаганде. «Пути русской молодежи» — призыв к эмиграции воспитывать детей в духе патриотизма через изучение великой истории Отечества. Исключительный пример служения Родине Кислицин находит в судьбах российских императоров и знаменитых полководцев⁴.

Колоритной политической фигурой в Маньчжурии был атаман Забайкальского казачьего войска Г.М. Семёнов, в период Маньчжоу-го провозглашенный лидером российской эмиграции. В годы Гражданской войны его государственнические взгляды складывались в зависимости от политической конъюнктуры. 28 апреля 1918 г. сформированное им Временное правительство Забайкальской области декларировало автономию Сибири, законность и правопорядок в регионе, созыв Сибирского Учредительного собрания⁵. Сепаратистские устремления атамана, поощряемые японцами, нашли свое выражение в поддержке открывшегося 25 февраля 1919 г. в Чите съезда сторонников панмонголизма. Итогом работы съезда стало заявление о создании независимого «Велико-монгольского государства», формируемого на основе принципов федерализма⁶. В новое госу-

дарство должны были войти Внешняя Монголия, Внутренняя Монголия, Барга и земли забайкальских бурят.

Проект оказался авантюрой, но политическая конъюнктура снова дала атаману повод вернуться к идее сибирской государственности. После падения Колчака Семёнов сформировал «Правительство Российской Восточной окраины», а 6 июня 1920 г. в столице Забайкалья начало работу Краевое народное совещание, преобразованное в Народное Собрание⁷. После того, как с местными парламентариями договориться не удалось, атаман начал сепаратные переговоры с большевиками Приморья. Результатом стал подписанный 24 августа 1920 г. так называемый Хадабулакский акт об объединении Приморья и Забайкалья в единое государственное образование, именуемое в среде белых «пьяным манифестом»⁸.

В Маньчжурии Семёнов написал мемуары, в которых попытался осмыслить свой боевой путь в Сибири и на Дальнем Востоке. Под названием «О себе: Воспоминания, мысли, выводы» они были опубликованы в 1938 г. в Дайрене и Харбине. Размышления о будущей российской государственности он представил как «государственную доктрину», являющуюся «общей, психологически объединяющей формулой», которая укладывается в понятие «Россизм». В ее основе лежит безусловное отрицание большевизма, разрушающего основы национального государства. Семёнов подчеркивает разницу между понятиями «русский» и «российский». Доктрина «Россизма» предполагает союз всех народов России, основанный на признании права на культурно-национальную и территориальную автономию, религиозную, личную и идеологическую свободу в рамках единого государственного закона. Таким образом, взгляды Семёнова вполне укладываются в либерально-демократическое русло за одним исключением: идеологическая свобода, допускающая многопартийность, не распространяется на коммунистов⁹.

«Россизм», вероятно, был уступкой эмигрантской общественности, не принявшей идею Сибирского «буфера» и обвинявшей Семёнова в намерении расчленить Россию. Однако поощряемый японскими покровителями атаман от сепаратизма не отказался. В 1941–1942 гг. в надеждах на скорое крушение большевизма он занимался подбором кадров на руководящие должности в аппарате буферного государства и даже наметил кандидата на пост митрополита.

Харбинские юристы: в поисках новой России

Среди известных политиков времен Гражданской войны, обосновавшихся в Харбине, были профессиональные юристы, которые в эмиграцииполнили ряды вузовской интеллигенции. За их плечами стоял неудавшийся опыт государственной деятельности в годы «русской смуты». Г.К. Гинс был членом Временного Сибирского правительства и правительства Колчака. Н.В. Устрялов руководил пресс-бюро Сибирского правительства, а В.Ф. Иванов возглавлял Приамурское правительство. Они стояли на разных идеологических позициях и вели активную полемику на страницах эмигрантской прессы и публичных собраниях, отстаивая свое видение перспектив развития российской государственности.

Взгляды русских юристов в основном отражали модные тенденции в развитии европейской теоретической юриспруденции первой половины XX в. Пережив крушение империи и трагедию Гражданской войны, кое-кто из них изменил свои представления об идеальной форме государства «слева направо». Так, В.Ф. Иванов, увлекавшийся в свое время парламентаризмом, в эмиграции вернулся к *монархическому* принципу организации власти. В 1932 г. в докладе, озаглавленном «В поисках государственного идеала», предназначенном для деловой харбинской публики, он подверг критике три главных детища европейской политико-правовой идеологии: либерализм, демократию и фашизм. Аргументируя свои рассуждения ссылками на авторитеты и социально-политическую

ситуацию в Европе, бывший лидер Приамурского правительства назвал главной причиной всех бедствий демократический принцип власти. Парламентаризм, по его словам, всего лишь красивая ложь, так как парламенты создаются не свободной волей, а подкупом и шантажом. В них побеждают не умные и сильные, а наиболее ловкие и наглые, «управляет не народ, а денежные люди и спекулянты»¹⁰. Не случайно демократия в Италии закончилась диктатурой Муссолини, польский сейм привел к неограниченной власти маршала Пилсудского, а власть Временного правительства в России закончилась большевистским переворотом. Даже страна классической демократии и парламентаризма, Англия, и та переживает тяжелейший кризис.

Глубинной причиной кризиса власти Иванов называет религиозно-духовный кризис человечества, начавшийся еще в эпоху Реформации. Именно тогда рационализм возвысился над религией, был поставлен под сомнение авторитет церкви. Вину за чрезмерное увлечение рационализмом и отрицание идеи божественного происхождения государства Иванов возлагает на автора теории общественного договора Дж. Локка и его французских последователей эпохи Просвещения. Французы виноваты больше, так как вульгаризировали принципы английского гения и тем самым подточили основы государства и общества. Марксизм тоже явился логическим следствием Реформации, поставившей целью переустроить жизнь людей без участия Бога¹¹.

Русской интеллигенции досталось от Иванова за то, что не создали русского государственного права и участвовали в разрушении государственного идеала. А «идеалом», по его мнению, является коренящаяся в глубинах российской истории самодержавная монархия. Все прочие модные идеи современности для России не годятся. Фашизм силен дисциплиной, национализмом и патриотизмом, но слаб из-за авторитаризма вождя и отсутствия исторических корней. Если выбирать между двумя вариантами фашизма, русскому человеку ближе германский национал-социализм, так как Гитлер борется с большевиками, а Муссолини с ними заигрывает. Однако между русским национализмом и расизмом нет ничего общего, поэтому и германский фашизм для России не подходит. Концепция солидаризма не выдерживает критики в силу своей эклектичности. Евразийство привлекательно лишь как культурно-историческое движение, политическая же сторона его опасна соглашательством с большевиками¹².

Ностальгию Иванова по «самодержавию, православию и народности» разделяли далеко не все представители эмиграции. Мыслящая молодежь, разочарованная в традиционной монархической идеологии отцов, проигравших Гражданскую войну, искала новые идеи для построения будущего Российского государства. *Фашизм*, набиравший популярность в Европе, показался многим перспективной моделью, способной обеспечить социальную справедливость и национальный интерес. В 1926 г. группа выпускников и студентов Юридического факультета создала в Харбине Российскую фашистскую организацию, которая в 1931 г. была преобразована в Российскую фашистскую партию (РФП) во главе с К.В. Родзаевским. Идеология РФП была причудливой смесью итальянского фашизма и русского православия, отличалась радикальным антисоветским настроем и звала к решительной борьбе с мировым коммунизмом. После свержения советского строя программа РФП предполагала установление временной фашистской диктатуры, которая должна была привести страну к созыву Всероссийского земского собора. Так должна была называться высшая государственная власть России, состоящая из верхнего слоя национальных корпоративных объединений. Духовная связь фашизма с православием выражалась в лозунге «Бог. Нация. Труд». Официальный партийный праздник был установлен в почитаемый эмигрантами День Святого Владимира и проходил под девизом «Под стягом Святого Владимира — к возрождению Святой Руси!»¹³.

Русская национальная идея, которую исповедовал местный «дуче», была изрядно приправлена антисемитизмом, ставшим поводом для раскола внутри партии: не все «соратники» (так называли себя русские фашисты) ставили знак равенства между нацио-

нализмом и нацизмом. Антисемитизм стал одной из причин, по которым не состоялся альянс РФП с русской фашистской группой, созданной в Америке русским эмигрантом, бывшим белым офицером, А.А. Вонсяцким¹⁴. В 1939 г. Родзаевский убеждал соотечественников в том, что он не претендует на роль национального вождя или диктатора, но его задача «...бросить в массы свет правдивой идеи, способной поднять Россию со дна пропасти, куда ее столкнули»¹⁵. Фашистская диктатура будет необходима для переходного периода от власти ВКП(б) к Земскому собору. Она возьмет на себя «черновую» работу по организации национальных корпораций, которые в последующем смогут представлять Россию в высшем органе власти. Кстати, пишет Родзаевский, ничего страшного в национальной диктатуре нет, потому что в реальной жизни никогда не правит большинство. Народом руководит меньшинство, «и лучше для Нации, если это меньшинство будет национальный отбор из всех классов населения, а не аристократия или демократический кабак политиканов, служающих различным группам отечественного или международного капитала». Национальная диктатура отличается от партийной диктатуры тем, что опирается на всю нацию, все классы, существующие в обществе, и потому «отражает волю и устремления Нации, всех классов в лице их инициативных и волевых верхушек»¹⁶.

В 1941 г. в брошюре «Иуда на ущербе» в духе дремучего антисемитизма Родзаевский обрушился на «иудо-коминтерн» и воспел национал-социалистическую Германию, которая воюет с мировым иудаизмом. Агрессия Гитлера в Европе «оправдана исторической неизбежностью, стремлением германской нации сбросить версальские цепи и спасти человечество от коммунизма»¹⁷. В 1945 г., после разгрома Германии и Японии, маньчжурский дуче «прозрел» и даже написал покаянное письмо Сталину. Он признал свою борьбу с советской властью трагической ошибкой, так как между большевизмом и русским фашизмом оказалось много общего. За годы советской власти «интернациональный марксизм» трансформировался в «ленинский национализм» и «всечеловеческий сталинизм», а религия «обрела свой первохристианский основной смысл и стала религией трудящегося народа»¹⁸. Трудно сказать, насколько искренним было раскаяние Родзаевского, но точно известно, что вождь всех трудящихся не одобрил идею сущностной близости фашизма и большевизма. В 1946 г. вождь русского фашизма был казнен вместе с Г.М. Семёновым и другими эмигрантами из Маньчжурии, признанными виновными в диверсиях, терроризме и вооруженной борьбе против СССР.

Автор многих работ по проблемам права, этики, политики и социальной психологии, профессор Юридического факультета Г.К. Гинс был известен в Харбине как приверженец теории *солидаризма*. В 1930 г. вышла в свет его книга «На путях к государству будущего. От либерализма к солидаризму», которая дала повод эмигрантской прессе объявить его сторонником фашизма. Гинс утверждал, что единственной привлекательной стороной фашизма является идея социальной солидарности, использованная Муссолини в качестве теоретической основы для своей доктрины.

Концепция солидаризма стала теоретической основой магистерской диссертации Г.К. Гинса по водному праву, которая была успешно защищена в Париже в 1928 г. В истории появления водных сообществ отчетливо прослеживается принцип общего интереса, лежащий в основе социальной солидарности. Они возникали спонтанно на базе совместных интересов в строительстве и эксплуатации ирригационных сооружений и организации контроля за распределением воды среди партнеров. Общий интерес заложен в основу кооперативных и профессиональных союзов, создаваемых по инициативе снизу. Гинс подчеркивает принципиальное отличие в понимании солидаризма фашистами: в доктрине Муссолини солидаризм возникает не снизу, а сверху, по инициативе государства. Так же, по мнению Гинса, действовало советское государство, и поэтому можно считать фашизм и коммунизм двумя сторонами одной медали.

Солидаризм, как считал Гинс, предлагает ключ к решению многих проблем современного государства. Например, если законодательство обеспечивает государствен-

ную поддержку слабых социальных слоев, значит, реализуется солидарность всей нации. Привлекательность теории солидаризма заключается уже в том, что она составляет серьезную оппозицию классовой теории Маркса¹⁹.

В интеллектуальных поисках русской профессуры на темы социальной гармонии нашлось место и *социал-дарвинизму*. В 1942 г. в сборнике статей и переводов под общим названием «Социальная опасность» профессор и последний ректор Юридического факультета Н.И. Никифоров обрушился с критикой на философию эпохи Просвещения, утвердившую веру в естественно-правовое равенство людей и неограниченные возможности образования и воспитания. На самом деле, писал автор, миром управляет наследственность, и проблема власти заключается в том, что иногда она оказывается в руках людей с «дефективной наследственностью». Ослабление здоровья человечества в результате отдаления от природы приводит к вырождению нации. Последнее, в свою очередь, является причиной гибели государства. Свидетельством тому является крушение могущественных когда-то держав — античных Греции и Рима, Древнего Египта и др. Ни конституционализм, ни республиканизм не способны оградить общество от проникновения во власть людей с испорченной наследственностью.

Порче подвластных и гениальные умы, — пишет автор. К так называемым высшим дегенератам он относит Ж.Ж. Руссо, психические аномалии которого обусловили его убежденность в естественном равенстве людей и абсолютизме народного суверенитета. Теория равного для всех естественного права представляется Никифорову наиболее пагубной для человечества, так как в мире действует «железный закон неравенства» и никакие внешние усилия не способны изменить наследственную природу человека. Опираясь на исследования авторитетных, с его точки зрения, генетиков, врачей и социологов, следует обеспечить количественный рост средне- и высокоодаренных индивидов, сокращая число «вредных», стоящих ниже среднего интеллектуального уровня. Государственная политика, регулирующая здоровье нации, должна включать воспитание «евгенического сознания» в школе, контроль за иммиграцией, сегрегацию и стерилизацию дефективных индивидов, ограничительные законы для заключения браков. Нетрудно заметить, что стремление спасти человечество от порчи привело харбинского профессора к открытому нацизму и расизму. О том, кто и по какому праву станет делить людей на «вредных» и «полезных», Никифоров не рассуждает, но ограничивается замечанием, что практическая евгеника (генетика) не должна превращаться в инквизицию²⁰.

Профессор права, публицист и общественный деятель Н.В. Устрялов уже в начале 1920-х годов приобрел известность как один из инициаторов *сменовеховства*. Оказавшись в Харбине после поражения Колчака, в конце 1920 г. он опубликовал сборник статей под названием «В борьбе за Россию»²¹. В нескольких статьях, объединенных одной проблематикой, он изложил свое представление о новой тактике борьбы за Россию, суть которой заключалась в прекращении взаимной вражды, восстановлении гражданского мира и согласия в Отечестве, сотрудничестве во имя национального возрождения.

Победу большевиков в Гражданской войне Устрялов считал фатальной неизбежностью. Белое движение запятнало себя связью с интервентами, в то время как большевики выступили защитниками национальных интересов России: они восстанавливают государственность на всей территории бывшей Российской империи, собирают земли в великое и единое государство²². Однако призыв сотрудничать с большевиками не означал примирения с большевистской идеологией. Гражданский мир представлялся сменовеховцам средством мирного преодоления большевизма. Переход к новой экономической политике был воспринят Устряловым и его единомышленниками как начало перерождения советского государственно-правового порядка в либерально-демократический. В этой позиции заключалось основное разногласие между западной и восточной ветвями сменовеховства. Авторы «Смены вех» в Праге Ю.В. Ключников, С.С. Лукьянов, А.В. Бобришев-Пушкин и др. упрекали западную либеральную демократию в лицемерии

и эфемерности буржуазных свобод, признавали народный характер советской власти, историческую уместность ее диктатуры. В 1924 г. западная ветвь сменовеховского движения прекратила свое существование, так как посчитала свои задачи выполненными, и ее лидеры вернулись в СССР.

В политическом мировоззрении лидера восточной ветви сменовеховского движения Устрялова перемены произошли после посещения в 1926 г. Советского Союза. Результатом его впечатлений стали опубликованные в Харбине путевые заметки, в которых в восторженных тонах рассказывалось о «духе восстановления, ренессанса», охватившего страну²³.

Суждения юристов-сменовеховцев о судьбе России и перспективах ее государственности дали повод к дискуссии на страницах эмигрантской прессы, которая затронула глубинные проблемы историософии и философии права. В статье «О праве силы и силе права» Устрялов связывал ход мировой истории с серией катастроф, порождаемых силой, и с этой позиции утверждал торжество силы над правом. Право зарождается и действует в периоды между катастрофами, поэтому «системой права нельзя исчерпать всё многообразие жизни, которая не может быть рационализована юридическими категориями»²⁴. Одним из его оппонентов был Г.К. Гинс, полагавший, что «история — процесс расширения правовых начал в жизни общества. Великие революции изменяют правосознание населения и ведут к новому праву...»²⁵.

К началу 1930-х годов, анализируя советскую действительность, Устрялов был вынужден констатировать, что перерождения советского государства в либерально-демократическое не произошло. Ускоренная индустриализация и сплошная коллективизация привели к ужесточению большевистской диктатуры. Несмотря на огромные жертвы, сталинский курс следует признать правильным, так как он нацелен на укрепление могущества страны. Поэтому патриотически настроенная российская эмиграция должна заставить себя служить советскому государству. В 1935 г. Устрялов вернулся в СССР, два года преподавал в московском вузе, а после попал в жернова той самой тоталитарной машины, с которой он связывал возрождение могущества страны.

Политико-правовые взгляды, представленные в статье, в целом отражают идеологический спектр российской эмиграции в Маньчжурии. Генералы разбитых белых армий традиционно связывали возрождение России с восстановлением монархии. Исключение составлял Г.М. Семёнов, маневрировавший между прояпонским сепаратизмом и русским национализмом. Огромное влияние на интеллектуальную жизнь эмиграции, размышлявшей о государственном идеале, оказали профессора и выпускники Юридического факультета. Не трудно заметить, что принципиально новых идей они не создали, выстраивая модель будущей России на фундаменте известных политико-правовых концепций. В вопросах, касающихся правовой философии, в сочинениях русских юристов ощутимо сильное влияние социологической школы права, а также известных исследований в области психологии и биологии. Вряд ли новизна может быть самоцелью для исследователя, живущего в XX столетии, когда за плечами человечества стоит огромный пласт знаний о государстве и праве, проверенный историей.

Несмотря на различные, порой полярные, позиции упомянутых выше эмигрантских авторов, в их представлениях о государственном идеале просматриваются как минимум две общие черты: разочарование в либерализме и сомнение в осуществимости народного суверенитета.

1. «Счастливой Хорватией» называли полосу отчуждения КВЖД по имени управляющего Д.Л. Хорвата. Согласно эмигрантским источникам, к началу 1930-х годов в Маньчжурии про-

- живало примерно 60 тыс. россиян, имевших эмигрантский статус, к 1945 г. — более 70 тыс. См.: Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 830. Оп. 1. Д. 215. Л. 2.
2. См.: *Аурилене Е.Е., Потапова И.В.* Русские в Маньчжоу-Ди-Го: «Эмигрантское правительство». Хабаровск, 2004; *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.). Хабаровск, 2008. С. 48–91.
 3. *Кислицин В.А.* В огне Гражданской войны. [Харбин]: Изд-во «Наш путь», Б.г. 113 с.; *Он же.* Пантеон воинской доблести и чести. Харбин: Изд-во Главного бюро по делам российских эмигрантов, 1941. 488 с.; *Он же.* Пути русской молодёжи. Харбин [Б.и.], 1944. 248 с.
 4. *Кислицин В.А.* Пути русской молодёжи. С. 13, 44.
 5. *Голос Приморья.* 1918. 9 мая.
 6. *Курас Л.* Панмонголизм в воззрениях атамана Семенова // *Власть.* 2010. № 8. С. 32.
 7. *Семёнов Г.М.* О себе. Воспоминания, мысли и выводы. 1904–1921. М.: Центрполиграф, 2007. С. 88, 95–98.
 8. *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания, документы. М.: Айрис-пресс, 2011. С. 191.
 9. *Семёнов Г.М.* О себе. С. 281–282.
 10. *Иванов В.Ф.* В поисках государственного идеала. Харбин, 1932. С. 2.
 11. Там же. С. 9.
 12. Там же. С. 39.
 13. *Нация (Харбин).* 1939. 1 августа.
 14. См.: *John J. Stephan.* The Russian Fascists. Tragedy and Farce in Exile, 1925–1945. New York: Hagerstown; San Francisco—London: Harper & Row Publishers, 1978. P. 230–234.
 15. *Родзаевский К.В.* Русский путь. Харбин, 1939. С. 62.
 16. Там же. С. 61.
 17. *Родзаевский К.В.* Иуда на ущербе. Мир перед освобождением. Шанхай, 1941.
 18. *Кентавр.* 1993. № 4. С. 93–114. Цит. по: *Балакишин П.* Финал в Китае. Сан-Франциско—Париж—Нью-Йорк: Сириус, 1959. Т. 2. С. 124, 129.
 19. *Georg. C. Guins.* Professor and Government Official: Russia, China and California. An Interview Conducted by Boris Raymond / The Bancroft Library; Berkeley Regional Oral Office. Berkeley, 1966. P. 280–282.
 20. *Никифоров Н.И.* Социальная опасность: Сборник статей и переводов. Харбин, 1942. С. 102, 104.
 21. *Устрялов Н.В.* В борьбе за Россию. Харбин: Изд-во «Окно», 1920.
 22. Там же. С. 1–5.
 23. *Устрялов Н.В.* Россия (У окна вагона). Харбин, 1926. С. 53.
 24. Цит. по: *Сонин В.В.* Российские юристы-эмигранты в Китае // Миграционные процессы в Восточной Азии. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1994. С. 180–181.
 25. Там же.